

Помимо некрополей на территории посада располагалась жилая застройка. Вероятнее всего она представляла собой отдельные усадьбы, расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Постройки с каменными стенами были исследованы возле первоначального некрополя Судак-IX в северо-восточной части посада и в западной части посада напротив куртины XVII.

Материальная культура Сугдеи VIII – первой половине X вв. относится к так называемому крымскому варианту салтово-маяцкой археологической культуры. Его отличительной особенностью является сильная византинизация, проявившаяся во всех сферах жизнедеятельности. Исходя из этого, городское население составляли, вероятнее всего, праболгарские племена, давно и прочно перешедшие к оседлости. Тем не менее в организации жилого пространства они исходили, прежде всего, из византийских традиций планировки городских поселений. Особенности городской инфраструктуры, отличные от Херсонеса и Боспора, продиктованы были, вероятнее всего, отличием рельефа местности. Осуществляла ли руководство этим процессом византийская городская администрация, на имеющемся археологическом материале пока сказать сложно. Уникальная коллекция сфрагистического материала свидетельствует о безусловном присутствии в это время в городской среде византийских чиновников. После середины X в. в связи с кардинальными изменениями политической ситуации городская инфраструктура претерпевает значительные изменения. Однако это тема уже другого исследования.

Д. И. Макаров

*Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского
(Екатеринбург)*

**О рационалистическом характере этики Феодора Метохита и ее
источниках (На примере Слова 10 «О нравственных проблемах,
или Об образованности»)**

В 61-й главе трактата «Об образованности» (ок. 1305 г.) Метохит писал: «И лишь дар слова (ἡ ... τοῦ λόγου χάρις), поистине, представляет собой единственное благо, принадлежащее исключительно людям – и из всех благ наидостойнейшее. Оно всем верховодит и выступает наставником подлинного счастья...»¹. Как и во всей античной и византийской традиции, познание здесь неразрывно связывается с нравственными регулятивами жизни и поведения личности. Для обоснования этого комплекса мыслей Метохит обра-

¹ *Θεόδωρος Μετοχίτης. Ἠθικός ἡ περὶ παιδείας / Εἰσαγωγή – Κριτική ἔκδοσις – Μετάφρασις – Σημειώσεις ἀπὸ Ἰ.Δ. Πολέμη / Θεόδωρος Μετοχίτης. – Ἀθήνα 2: Κανάκη, 2002. (Κείμενα βυζαντινῆς λογοτεχνίας, 1). Σ. 260.8–11. (Далее: Полέμης).*

щается, помимо Нового Завета, к целому ряду учений (например, стоиков и Филона), но нам бы хотелось дополнительно подчеркнуть влияние на него Аристотеля и Псевдо-Дионисия Ареопагита.

В то же время масштабы этого влияния даже до конца не выявлены текстуально. Между тем, как минимум в двух или трех случаях мы можем говорить о сознательном цитировании или закладывании автором в текст своего труда аллюзий на трактаты Аристотеля и Ареопагита. Так, в гл. 25 речь идет о любви исследователя-гуманиста к античной истории: «А склонность к истории вообще и к тому, чтобы мало-помалу (μετρίως) вникать в повествования о событиях древности, поистине, вселяет в душу столь неутомимое влечение и столь обворожительные чары, непрестанно разящие душу своими стрелами, что не с чем их и сравнить, а не испытывшему на опыте (μὴ πεπεισμένοι παθόν) того, о чем у нас идет речь, совершенно невозможно что-либо узнать (ἀναμαθεῖν) об этом (курсив наш. – Д. М.)»¹. Эта фраза, на наш взгляд, так или иначе (хотя бы через призму культуры, образования и собственной эрудиции) восходит к Псевдо-Дионисию Ареопагиту: οὐ μόνον μαθών, ἀλλὰ καὶ παθὼν τὰ θεῖα². Разумеется, у Ареопагита речь идет об опытном восприятии Божественных энергий³. Намек на это выражение Ареопагита может содержаться и в гл. 26 в описании лиц, не восприимчивых к наукам, как τῶν κρείττονων ἀπαθείς αὐτῶν («не испытанных на опыте тех наилучших состояний, о которых идет речь»)⁴. Но фраза Ареопагита, хотя и не идеально подходящая по контексту, слишком маркирована в византийской культуре, слишком значима для ведущих ее представителей и слишком хорошо (надо полагать) известна Метохиту как энциклопедисту, чтобы последнему не попытаться прибегнуть к ней при написании того своеобразного панегирика древней истории, которым оказывается 25-я глава трактата (как и предыдущие главы 20–24).

Еще более интересно и даже несколько странно, что Я. Полемис не опознал в тексте источника известнейшее выражение из «Никомаховой этики» Аристотеля (далее – EN). В 55-й главе Метохит пишет, обращаясь к своему реальному или предполагаемому адресату, о том, что мудрость дает ему шанс «... и научиться чему-либо (παιδαγωγεῖσθαι), и, изучая, сопоставить (παρεξετάζειν) собственный характер с превосходящей всякую меру враждебностью твоего партнера по состязанию, поставляя судией (ἐπίσκοπον) над обо-

¹ Ibid. Σ. 120.9–14.

² Ps.-Dion. Ar. DN II, 9 // Corpus Dionysiacum. Bd. I / Hrsg. B. R. Suchla. Berlin; N. Y., 1990. (PTS, 33). P. 134.1–2.

³ См., например: *Lourié B.* The Philosophy of Dionysius the Areopagite. An Approach to Intensional Semantics // *Georgian Christian Thought and Its Cultural Context: Memorial Volume for the 125th Anniversary of Shalva Nutsubidze (1888–1969)* / Ed. T. Nutsubidze, C. B. Horn, B. Lourié with the collab. of A. Ostrovsky. Leiden; Boston, 2014. P. 95.

⁴ Πολέμης. Σ. 126.18–19.

ими и могущественным защитником «верное суждение» (ὁρθὸν τὸν λόγον)... (курсив наш. – Д. М.)»¹. Понятие верного суждения употребляется в EN VI, 13 1144b 25–28: добродетель – это «склад души, согласный с верным суждением (κατὰ τὸν ὁρθὸν λόγον)». Среди многих поздневизантийских текстов данное выражение встречается и в трактате Никифора Влеммида «О добродетели и подвиге» (ок. 1265–1268)². Данный текст из гл. 55 «Об образованности» далее расширяет сферу переключек между двумя великими мыслителями – исихастом и гуманистом, что само по себе не лишено историко-философского интереса. Еще важнее и то, что выстроить гуманистическую мораль интереса к свободному творчеству, эвристике и исканию нового в обоих случаях – Влеммида и Метохита – оказывалось невозможным без обращения к авторитету Старигита и автора «Ареопагитик». Ничего удивительного: как заметил Бергсон, философия Платона и Аристотеля оказывается естественной метафизикой европейской культуры. Перефразируя Ницше в духе тонкой иронии, можно сказать, что и сегодня эта философия, по-видимому, не без успеха возвращается в нынешний культурный дискурс.

Трактат Метохита открывается фразой: «Уже не раз я пытался рассказать тебе кое-что о науках (τῶν λόγων)...»³. Бросается в глаза, что термин λόγος у Метохита гораздо более ценностно насыщен и семантически окрашен, чем, допустим, в некоторых средневизантийских (VII – последняя четверть XI вв., по С. Эббесену) вариациях на тему «Софистических опровержений» Аристотеля. В одном из таких сборников софизмов сказано: «...одно дело – *высказываться при помощи одного лишь высказывания* (τὸ λέγειν τὸν λόγον), а другое – говорить о реальной вещи (τὸ πρᾶγμα) (курсив наш. – Д. М.)»⁴. Вообще же эпистемологический (как и этический) словарь Метохита исключительно богат. К вопросам его семантического, историко-культурного и историко-философского анализа мы планируем обратиться в самое ближайшее время.

¹ Ibid. Σ. 238.6–10.

² О чем см.: Макаров Д. И. Исихазм и внимание к классическому прошлому: две заметки о чертах своеобразия византийского гуманизма XIII–XIV вв. // Диалог двух культур Востока и Запада через призму единства и многообразия: древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время / Отв. ред. В. Н. Вдовин. Алматы; Екатеринбург, 2018. С. 220.

³ Πολέμης, Σ. 2.1–2.

⁴ Софизм I.B.8: Ebbesen S. The Un-Byzantine Byzantine on Two Sophisms // Aristotle and His Commentators. Studies in Memory of Paraskevi Kotzia / Ed. P. Golitsis and K. Ierodiakonou. Berlin; Boston, 2019. P. 199.